

ТОЛМАЧЕВСКИЙ ЛИСТОК

ЖИЗНЬ ПРИХОДА ВО ВРЕМЯ СЛУЖЕНИЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПРОТ. ИЛИИ ЧЕТВЕРУХИНА

Настоящей статьёй открывается цикл публикаций о жизни нашего прихода во время служения последнего настоятеля храма до его закрытия.

Россия... 1919 год. Мрачные смутные времена. Гражданская война. Голод. Холод. Разруха. Избран святейший патриарх Тихон, но судьба церкви уже определена – ее ждут страшные испытания. Она является одним из основных врагов «советской» власти.

Почему? Почему именно Православие так мешало торжеству новой власти?

А потому, что к управлению государством теперь прорвались в основном необразованные, почти безграмотные люди, которыми владела только злоба и зависть к тем, кто до сих пор стоял у руля страны. Основными жизненными принципами этих людишек были насилие, вседозволенность, немыслимая массовая жестокость, ненависть ко всякому инакомыслию. При этом основополагающая христианская заповедь «возлюби ближнего своего, как самого себя» вступала в непримиримое

противоречие с «новой моралью», насаждаемой в стране новыми хозяевами.

Еще одна очень существенная причина преследования церкви была чисто меркантильной. Власти необходимы были деньги, а в храмах, монастырях, лаврах было сосредоточено огромное количество золота, серебра, драгоценностей, которые веками жертвовались православными людьми для украшения своих святынь. Однако, для того чтобы ими воспользоваться, необходимо было уничтожить ореол святости и неприкосновенности вокруг церковного имущества. И начинается разнузданная антирелигиозная пропаганда и натравливание народа на служителей культа. Народ призывают покончить с «пережитками прошлого». Власти приветствуют любые оскорбления церковнослужителей, нападения на них, даже убийства.

И вот в таких условиях молодой священник Илья Николаевич Четверухин (ему тогда было 33 года) становится настоятелем храма святителя Николая в Толмачах – маленького полупустого храма, в котором не набиралось и двух десятков прихожан.

И началось его самоотверженное десятилетнее служение, до самого закрытия храма в 1929 г.

Как это произошло? Почему именно он пришел в этот храм? Чтобы понять это, необходимо обратиться к истории жизни и становления личности о. Ильи.

Илья Николаевич родился 27 января 1886 г. в Москве в благочестивой и дружной семье (подробнее о жизни священномученика о. Ильи см. книгу «Слава Богу за все» изд-ва Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Сергиев Посад, 2004). Его отец был преподавателем словесности. Илья прекрасно учился и в 1904 г. окончил гимназию с золотой медалью. Очень знаменательным и показательным для понимания степени бездуховности молодого поколения в то время с одной стороны, и о религиозности Илюши Четверухина и его мужестве с другой стороны, является один эпизод из его жизни в гимназии. Однажды, когда в классе возник вопрос о религии, только один Илюша прямо сказал, что он верует в Бога. Остальные же мальчики утверждали, что они не веруют. Он не побоялся насмешек соучеников и выступил один против всего класса.

После окончания гимназии его приняли без экзаменов в Московский Государственный Университет на историко-филологический факультет.

Однако в 1905 г. Илья Четверухин встречается со своей будущей супругой Е.Л. Грандмезон, и эта встреча полностью изменяет его жизнь. Евгения Леонидовна в то время была уже глубоковерующим человеком и пробудила в нем такую любовь к Богу и интерес к религии, что в 1906 г. он оставляет Университет и поступает в Московскую Духовную Академию. Отныне его жизнь навеки связана с беззаветным служением Господу.

(продолжение на стр. 5)

Ежемесячное издание Храма
свт. Николая в Толмачах
при ГТГ

Ноябрь, 2008. Номер 11 (23)

В НОМЕРЕ:

МЕСЯЦЕСЛОВ

Перенесение мощей прп.

Иоанна Рыльского

Димитриевская

родительская суббота

Вмч. Димитрий Солунский

ИЗ ИСТОРИИ ТОЛМАЧЕЙ

Жизнь прихода при настоятеле

прот. Ильи Четверухине

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Заметки к уразумению

месяцеслова

Словарь

ЦЕРКОВНЫЙ ЭТИКЕТ

Простите, не знаю как Вас

зовут...

СОБЫТИЯ

«Страна воскресения»

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Куликово поле (Шмелев И.С.)

**РАСПИСАНИЕ
БОГОСЛУЖЕНИЙ**

МЕСЯЦЕСЛОВ

1 ноября – перенесение мощей прп. Иоанна Рыльского, великого подвижника Болгарской Православной Церкви и небесного покровителя болгарского народа. Он родился в 876 г. в селе Скрино Средецкой области (древний Средец – ныне София). Рано оставшись сиротой, мальчик ушел пастухом в чужие люди. Однажды богач избил его за то, что потерялись корова с телятком. Мальчик долго плакал и молился, чтобы Бог помог ему. Когда он нашел корову с телятком, то в реке Струме сильно поднялась вода. Юный пастух помолился, положил на воду свою верхнюю одежду, начертал на ней крест, взял на руки телятца и прошел с ним, как по суку, на другой берег реки, где уже находилась корова. Богач, спрятавшийся в лесу, ужаснулся, видя это чудо, и, щедро наградив мальчика, отпустил его из своего дома.

Раздав имущество, мальчик ушел из родного села. Где и когда святой принял иноческий постриг, осталось неизвестным. Первоначально он подвизался на высокой и голой горе, питаясь лишь дикими растениями. Хижина его была из хвороста. Спустя недолгое время разбойники напали на него ночью и, избив, прогнали оттуда. Тогда он нашел глубокую пещеру и поселился в ней. Там же вскоре поселился и его племянник святой Лука. Место было столь безлюдное, что Иоанн счел сначала появление Луки за бесовскую кознь, но, узнав, что юноша ищет душевного спасения, с любовью принял его. Недолго, однако, им пришлось жить вместе: брат Иоанна нашел подвижников и силой забрал сына. По дороге домой юноша умер от укуса змеи. Раскаявшись, брат просил прощения у преподобного. Пустынник часто ходил потом на могилу праведного юноши; там было его любимое место отдыха.

Двенадцать лет провел преподобный в дикой пещере, а затем перешел в Рыльскую пустыню и поселился в дупле дерева. Он много постился, молился и постоянно плакал; питался только травой. Видя такое терпение, Бог произрастил преподобному бобы, которыми он питался долгое время. Эти-то бобы и сделали его подвиги известными людям. Однажды стадо овец от внезапного страха бежало по горным стремнинам, пока не остановилось у места, где жил преподобный. Пастухи, следовавшие за стадом, с изумлением увидели отшельника, который ласково угощал их: "Вы пришли сюда голодные – рвите себе бобы мои и ешьте". Все ели, один же напрятал себе много бобов и в запас. По дороге домой он предложил их товарищам, но в украденных стручках не оказалось ни зернышка. Пастухи воротились с раскаянием, и старец простил, сказав с улыбкой: "Видите, дети, эти плоды назначены Богом для пропитания пустынного".

С тех пор стали приводить к преподобному больных и одержимых нечистым духом, которых он исцелял молитвой. Избегая известности, подвижник ушел из любимого дупла и поселился на высокой и труднодоступной скале, где семь лет провел под открытым небом. Слух о великом пустыльнике дошел до болгарского царя Петра (927-969), который желал видеться с ним; но Иоанн, написав письмо, отклонил свидание по смирению. Позже пустыжник принял под свое окормление иноков, которые устроили монастырь с храмом в пещере, где он прежде жил. Он мудро пас свое стадо и скончался 18 августа 946 г. на 70-м году жизни. За 5 лет до кончины он написал своей рукой "Завет к ученикам", одно из лучших творений староболгарской письменности.

Святая жизнь подвижника и знамения милости Божией по его молитвам были самой лучшей проповедью христианской веры в новокрещеной Болгарской земле.

В тревожное время борьбы Болгарии с Византией, при западноболгарском царе Самуиле (976-1014), прп. Иоанн Рыльский явился ученикам, повелевая перенести его мощи в Средец (Софию). Предполагают, что перенесение мощей было в 980 г. В 1183 г. венгерский король Белла II (1174-1196) во время похода на греков взял вместе с другими драгоценностями Средец ковчег с мощами прп. Иоанна и перенес в г. Остергом. В 1187 г., украсив ковчег, он отослал святые мощи назад с великой честью. 19 октября 1238 г. мощи прп. Иоанна были торжественно перенесены в новую столицу – Тырново – и положены в храм во имя святого. 1 июля 1469 г. святые мощи прп. Иоанна Рыльского были возвращены в Рыльский монастырь, где они почивают до нынешнего дня, подавая благодатную помощь всем верующим.

Имя прп. Иоанна с глубокой древности было известно и любимо русскими людьми. Именно в русских источниках (Минея на август XII в., Мазуринский летописец) сохранилась дата кончины преподобного. В 986 г. в битве у Трояновых ворот, недалеко от Средец, на стороне Болгарии принимала участие Киевская дружина князя Владимира. Во время возвращения Владимира Святославича на Русь, вместе с русскими покинули свою Родину и некото-

рые болгары, в их числе были и монахи Рыльского монастыря, захватившие с собой свою святыню – десницу Иоанна Рыльского. Болгары, глубоко верующие люди, уходили на Русь из-за притеснения греческих оккупантов, запрещавших им совершать богослужения на родном болгарском языке. Так, на месте современного г. Рыльска поселились болгарские братья, которые, тоскуя по своей Родине, дали название речке, протекающей по равнине, Рило (Рыло), такое же, как и в Болгарии, откуда они пришли. Монахи построили небольшую деревянную церковь во имя своего святого Иоанна Рыльского; здесь же, по преданию, была захоронена и его десница. Русский город получил имя болгарского святого.

Всероссийское почитание прп. Иоанна Рыльского относится к XIV в. В 1645 г. была составлена служба св. Иоанну, а в 1671 г. начала печататься книга «Служба с житием преподобного отца нашего Иоанна Рыльского». В России строились храмы, посвященные болгарскому святому, а в нач. XX в. прот. Иоанном Сергиевым в Санкт-Петербурге был открыт монастырь во имя святого Иоанна Рыльского.

1 ноября – Дмитриевская родительская суббота. 8/21 сент. 1380 г. произошла битва на Куликовом поле. Одержав победу, глава русского войска великий князь Дмитрий Иоаннович посетил Троице-Сергиеву обитель. Прп. Сергей Радонежский ранее благословил его на брань с неверными и дал ему из числа братии двух иноков – Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Оба пали в битве и были погребены у стен храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове монастыре. Совершив в Троицкой обители поминовение православных воинов, павших в Куликовской битве, великий князь предложил творить это поминовение ежегодно в субботу перед 26 октября (8 нояб. н. ст.) – днем памяти св. Дмитрия Солунского и тезоименитства самого Дмитрия Донского. Впоследствии, православные христиане стали в этот день творить память не только православных воинов, за Веру и Отечество

жизнь свою на поле брани положивших, но – вместе с ними – и всех, вообще, своих усопших.

4 ноября – празднование Казанской иконы Божией Матери. См. ТЛ ноябрь 2007 (№11) www.tolmачy.narod.ru.

8 ноября – память вмч. Димитрия Солунского. Святой Димитрий был сыном римского проконсула в греческом городе Фессалоники (славянское название – Солунь). Он родился в III в. Отец и мать его были тайными христианами. Когда умер отец, а Димитрий уже достиг совершеннолетия, император Галерий Максимиан, вступивший на престол в 305 г., убедившись в его образованности и военно-административных способностях, назначил его на место отца проконсулом Фессалоникийской области. Он должен был охранять город от варваров и истреблять христиан. Интересно, что среди угрожавших римлянам варваров было много славян, особенно охотно селившихся на Фессалоникийском полуострове. Существует мнение, что и родители Димитрия были славянского происхождения. В отношении к христианам воля императора была выражена однозначно: "Предай смерти каждого, кто призывает имя Распятого". Приняв назначение, Димитрий возвратился в Фессалоники и тотчас пред всеми исповедал и прославил Господа нашего Иисуса Христа. Вместо того чтобы гнать и казнить христиан, он стал открыто учить жителей города христианской вере и искоренять языческие обычаи и идолопоклонство. Составитель Жития, Метафраст, говорит, что он стал для Фессалоник в своей учительной ревности "вторым апостолом Павлом", потому что именно "апостол языков" основал когда-то в этом городе первую общину верующих. Святому Димитрию предназначено было Господом последовать за апостолом и в мученической кончине.

Когда Максимиан узнал, что вновь назначенный им проконсул – христианин и многих римских подданных обратил в христианство, гневу императора не было границ. Возвращаясь из похода в Причерноморье, император решил вести армию через Фессалоники, полный желания расправиться с солунскими христианами. Узнав об этом, святой Димитрий заблаговременно повелел своему верному служителю Луппу раздать имение нищим со словами: "Раздели богатство земное между ними – будем искать себе богатства небесного". А сам предался посту и молитве, готовя себя к принятию мученического венца.

Димитрий смело исповедал себя христианином перед императором и обличил неправду и суетность римского многобожия. Максимиан приказал заключить исповедника в темницу, и Ангел сошел к нему в узилище, утешая и укрепляя в подвиге. Между тем император предался мрачным гладиаторским зрелищам, любуясь, как его любимый силач, германец по имени Лий, сбрасывал с помоста на копья воинов побежденных им в борьбе христиан. Отважный юноша Нестор, из солунских христиан, пришел в темницу к своему наставнику Димитрию и просил благословить его на единоборство с варваром. Нестор одолел свирепого германца, и разгневанный император приказал немедленно казнить святого мученика (пам. 27 окт./9 нояб.) и послал стражу в темницу умертвить благословившего его на подвиг святого Димитрия.

На рассвете 26 октября 306 г. воины пронзили копьями мученика Димитрия. Верный его служитель Лупп собрал на полотенце кровь святого, снял с его пальца императорский перстень, знак высокого достоинства его, и также омочил в крови. Перстнем и другими святынями, освященными кровью святого Димитрия, святой Лупп стал исцелять недужных. Император казнил и его.

Тело великомученика Димитрия было выброшено на съедение диким зверям, но солунские христиане взяли его и тайно предали земле. При равноапостольном Константине (306-337) над могилой св. Димитрия была воздвигнута церковь. Сто лет спустя, при строительстве нового величественного храма на месте ветхого, обретыны были нетленные мощи святого мученика. С VII в. при раке великомученика начинается чудесное истечение благовонного мира и св. Димитрий получает церковное именование Мироточивого. Несколько раз почитатели солунского чудотворца делали попытки к перенесению его святых мощей или частицы их в Константинополь. Но неизменно святой Димитрий таинственно проявлял свою волю остаться покровителем и защитником родных Фессалоник. Неоднократно подступавшие к городу славяне-язычники бывали отогнаны от стен Солуни видом грозного светлого юноши, обходившего стены и внушавшего ужас воинам. Может быть, потому имя святого Димитрия Солунского особенно почитаемо в славянских народах после просвещения их светом Евангельской истины. С другой стороны, и греки считали святого Димитрия по преимуществу славянским святым.

С именем святого Димитрия Солунского связаны первые же страницы русской летописи. Когда Вещий Олег разгромил греков под Константинополем (907) "убоялись греки и говорили: это не Олег, но святой Димитрий послан на нас от Бога". Русские воины всегда верили, что они находятся под особым покровительством великомученика Димитрия. Более того, в старинных русских былинах святой Димитрий изображается русским по происхождению – так сливался его образ с душой русского народа.

Церковное почитание великомученика Димитрия в Русской Церкви началось сразу после Крещения Руси. К началу 70-х гг. XI в. относится основание Димитриевского монастыря в Киеве, известного впоследствии как Михайлов-Златоверхий монастырь. Обитель была построена сыном Ярослава Мудрого, великим князем Изяславом, в крещении Димитрием († 1078). Мозаичная икона святого Димитрия Солунского из собора Димитриевского монастыря хранится в Третьяковской галерее. В 1194-1197 гг. великий князь Владимирский Всеволод III Большое Гнездо, в крещении Димитрий, "создал церковь прекрасную на дворе своем, святого мученика Димитрия, и украсил ее дивно иконами и писанием" (т. е. фресками). Димитриевский собор и доныне является украшением древнего Владимира. Чудотворная икона святого Димитрия Солунского из иконостаса собора также ныне находится в ГТГ. Она написана на доске от гроба великомученика Димитрия, принесенной в 1197 г. из Солуни во Владимир. Одно из ценнейших изображений святого – фреска на столпе Владимирского Успенского собора, принадлежащая кисти прп. Андрея Рублева. Почитание святого Димитрия продолжалось и в роду св. Александра Невского. Он назвал в честь великомученика старшего сына. А младший его сын, св. блгв. кн. Даниил Московский, воздвиг в Москве в 1280-х гг. храм во имя св. Димитрия, который явился первым каменным храмом в Московском Кремле. Позже, в 1326 г. при князе Иоанне Калите он был разобран, а на его месте воздвигнут Успенский собор.

Память святого Димитрия Солунского издревле связывалась на Руси с воинским подвигом, патриотизмом и защитой Отечества. Святой изображается на иконах в виде воина в пернатых доспехах, с копьем и мечом в руках. На свитке (в более поздних изображениях) писали молитву, с которой святой Димитрий обращался к

Богу о спасении родной Солуни: "Господи, не погуби град и людей. Если град спасешь и людей – с ними и я спасен буду, если погубишь – с ними и я погибну".

21 ноября – Собор Архистратига Михаила. См. ТЛ ноябрь 2007 (№11) www.tolmachy.narod.ru.

СВЯТАЯ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦА ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Щенникова Л. А.

(Продолжение. Начало ТЛ №№ 20-21)

Сказание повествует о дивной помощи, явленной Господом по молитвам Богородицы через Ее Владимирскую икону как самому князю Андрею и его приближенным, так и другим людям, которые, по примеру князя, обращались к иконе. О чудесах от образа рассказывают владимирские священники; они же приносят святой "воду омоения". Исцеления получают знатные, именные люди (попадья священника Микулы, жена князя Андрея, игуменья Мария – сестра Бориса Жидислава, воеводы князя Андрея), боярыня из Твери, женщина по имени Евфимия (видимо, хорошо знакомая составителям сказания), а также малоизвестные лица и простолюдины (некий сухорукий человек, заколдованный младенец). Уже в первые годы своего пребывания во Владимире чудотворная икона стала известна и в других городах, далеких от Владимира: Муроме, Твери (самое раннее упоминание этого города), Переяславле Русском (ныне – Переяславль Хмельницкий). Все чудеса связаны с исцелением людей; они имеют жизненно-бытовой характер, описаны просто, с глубокой верой и радостью открытого сердца.

Так Пресвятая Богородица стала через Владимирскую икону Покровительницей частной жизни владимирцев, их Заступницей и Целительницей от различных недугов. Почитание Владимирской иконы послужило примером для почитания многих русских икон, а Сказание о чудесах – образцом для всех последующих сказаний.

Столь же благодатную помощь являла Пречистая Мать Божия по молитвам перед Ее Владимирской иконой князю Андрею и его преемникам в делах государственных; молитвы перед образом помогали одерживать победы над противниками.

Княжество Андрея Боголюбского и его ближайших преемников, созидавшееся под покровительством Богоматери, являвшей свое заступничество через прославленную во Владимире икону, осмыслялось как богоизбранное. Эта идея, возникшая во Владимире, была передана великокняжеской Москве, а затем Русскому государству XVI-XVII вв.

В 1164 г. князь Андрей воевал с "погаными" волжскими болгарами¹. Подобно византийским императорам, он взял с собою в поход Владимирскую икону, и перед решительным сражением горячо молился перед ней с земными поклонами. Пресвятая Богородица помогла одержать победу над иноверными, и летописец увековечил это событие в своем писании: "Се же бысть чудо новое святое Богородици Володимерское, юже взял бяше с собою благоверный князь Андрей и принес ю с славою, постави ю в Святой Богородице Володимери в Золотоверсеи, идеже стоит и до сего дне".

29 июня 1174 г. князь Андрей был убит в своем загородном дворце в Боголюбове по заговору бояр Кучковичей. Во Владимире начались грабежи и убийства. Тогда священник Николай (Микула), который пришел с князем Андреем из Вышгорода, прибег к помощи чу-

дотворной иконы: "...поча ходити Микулиця со Святою Богородицею, в ризах по городу, тождь почаша не грабити...". Затем по просьбе владимирцев он вместе с духовенством встречал с чудотворною иконою – святыней князя Андрея – его тело, привезенное из Боголюбова во Владимир на погребение: "а Микулице рекоша събери попы вей оболочке в ризы, выидете ж перед Серебряная ворота с Святою Богородицею...".

Со смертью князя Андрея во Владимиро-Суздальской земле возникли междоусобные распри. Ростовцы пригласили племянников Андрея Юрьевича, молодых князей Ростиславичей, проживавших в Рязанской земле. Владимирцы же, боявшиеся притеснения со стороны старых городов – Ростова и Суздаля, желали посадить на престол брата князя Андрея – Михаила, находившегося в Чернигове. В результате междоусобицы ростовцы взяли верх: во Владимире сел Ярополк Ростиславич, а в Ростове и Суздале – Мстислав Ростиславич. Они наложили на владимирцев несправедливые поборы. По совету бояр молодые князья Ростиславичи ограбили Успенский собор, взяв себе все серебро и золото и отобрав те волости, которые подарил церкви князь Андрей. Ярополк пошел в своем нечестии еще дальше: отдал чудотворную Владимирскую икону своему родственнику – рязанскому князю Глебу. Возмущенные владимирцы решили изгнать Ростиславичей и призвать их дядю – Михаила Юрьевича. Ярополк двинулся с дружиной навстречу Михаилу. В коротком бою Михаил одержал победу и вошел во Владимир. Владимирцы восприняли это как "новое чудо святое Богородици", и летописец с радостью написал: "Мы же да подивимся чуду новому и великому и преславному Матере Божья, како заступи град свои от великих бед, и гражданы своя укрепляет <...> сего же Михаила и брата его Всеволода избра Бог и Святая Богородица <...> и утеши и Бог и Святая Богородица чудотворная Володимерская. ...Се бо Володимерци прославлены Богом по всеи земли, за их правду, Богови им помогающе".

После смерти Михаила на Владимирский стол сел его брат Всеволод Юрьевич (1185-1218). Однако ростовцы, недовольные самостоятельностью Владимирского княжества, хотели вновь возвести на престол своего ставленника – Мстислава Ростиславича. Снова вспыхнула междоусобная брань. Всеволод пошел с войсками навстречу Мстиславу. Когда он подъезжал к Суздалю, "узреша чудную Мать Божья Володимерскую, и весь град и до основанья аки на вздусе стоящ, яви Бог и Святая Богородица новое чудо...". Ободренный видением, Всеволод приехал к Юрьеву и, соединившись с переяславцами, выступил против Мстислава на Юрьевском поле, "надеяся на Бога и на Святую Богородицу, юже виде у Суздаля". Благодаря заступничеству Божией Матери правда владимирцев вновь торжествовала.

Прославленная Богородичная икона занимала в жизни владимирцев такое важное место и была так тесно связана с богоизбранными владимиро-суздальскими князьями, что, по удачному выражению Д.С. Лихачева, "летопись времен Андрея Боголюбского и строилась

¹ Волжские болгары – финно-угорское племя, жившее по соседству с владимиро-суздальскими землями и часто нападавшее на Русь, мусульманского вероисповедания.

как цепь чудес Богородицы"². В прославлении Владимирской иконы и ее почитании в последующие столетия важнейшая роль принадлежит личности князя Андрея. Летописец высоко превозносит его добродетели и деяния. Благоверный и христоролюбивый князь Андрей от младенчества возлюбил Христа и Всепречистую Его Матерь; он создал во Владимире и Боголюбове дивные церкви, богато украсив их и поставив в главный храм своего княжества чудотворную икону; был кормилец чернецам и черницам, бедным и убогим. Он был ревностным защитником веры христианской, выступая против иноверных народов, нападавших на его княжество. Все его богоугодные дела совершались под покровом Богородицы, являвшей князю свое заступничество через чудотворный Владимирский образ. Вместе с тем, стремясь к приоритету своего княжества, он боролся со своими родственниками, выгонял и казнил неугодных ему бояр, разорил Киев, воевал Великий Новгород. Таковы были обычаи того времени и естественный ход истории. Так же действовали и его преемники – владимири-суздальский князь Всеволод, великие московские князья и первый титулованный русский царь Иоанн Грозный. Подобно своему великому прародителю, избравшему в старой Киевской Руси и преданно почитавшему в молодом Владимире греческую икону Богородицы, они, следуя его примеру,

ревностно чтили владимирскую святыню и прибегали к ней с молитвой о помощи.

В 1185 г. во Владимире случился страшный пожар. Сгорели многие церкви, выгорел и Успенский собор с драгоценными иконами. Однако летописцы ничего не говорят о чудотворной Владимирской иконе, которая, вероятно, была вынесена из собора и не пострадала от огня.

В XIII в. начался трагический период русской истории – нашествие монголо-татарских кочевников. В феврале 1237 г. хан Батый вторгся во Владимир. Епископ Митрофан и княжеская семья с боярами затворились в соборной церкви. Но по грехам людей Бог допустил совершиться их избиению, разгрому храмов и уничтожению святынь; была ограблена и чудотворная икона: "Татарове же силою отвориша двери церковныя, и видеша овы огнем скончавшая, овы же оружием до конца смерти предаша; Святую Богородицу разграбиша, чудную икону одраша, украшену златом и серебром, и камнем драгим, и монастыри все и иконы одраша, и иные исекоша, а ины поимаша, и кресты честныя и ссуды свящныя и книги одраша...". Этим печальным событием заканчивается история чудотворного образа во Владимирском княжестве. Икона осталась здесь еще не одно столетие, но люди как будто забыли о чтимой иконе: они впали в уныние, ослабили их молитвы, и вместе с былой славой богоизбранного старого Владимира ушли и видимые явления чудодейственной силы древней владимирской святыни.

(Продолжение следует)

² Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 288.

ИЗ ИСТОРИИ ТОЛМАЧЕЙ

Жизнь прихода во время служения священномученика прот. Ильи Четверухина

...начало на стр.1

Благословение на такой шаг Илья Николаевич получил от преподобного старца Варнавы Гефсиманского. После кончины старца Варнавы, в том же 1906 г. Илья Николаевич поехал в Зосимову пустынь к иеромонаху Алексию (Соловьеву). Он долго беседовал со старцем, исповедался у него с семилетнего возраста, как требовал того отец Алексей у всех, кто хотел стать его духовным чадом: "я беру вас на свое попечение, — сказал старец— я должен буду ответ за вас давать на Страшном суде, но вы должны мне за то обещать полное со своей стороны послушание». (Это был тот самый бывший дьякон храма святителя Николая в Толмачах – Федор Алексеевич Соловьев, который тогда для многих в России заменил ушедших Оптинских старцев). Отец Илья благоговейно почитал старца Алексию и без его благословения не предпринимал решительно никаких серьезных шагов в своей жизни до самой кончины старца в 1928 г.

По окончании Духовной Академии о. Илья со своим уже разросшимся семейством (в семье к тому времени было два сына: Сергей и Серафим), переехал в Сокольники, где стал настоятелем храма Живоначальной Троицы при Ермаковской богадельне.

С первых же лет служения о. Илья показал себя усердным пастырем. У него сразу проявилась тяга к проповедованию, и, хотя прихожанами его были старушки-богадельки, он сумел даже их увлечь своими яркими речами. Отца Илью очень быстро заметил митрополит Кирилл (Смирнов, священномученик). Он стал приглашать его по воскресным дням для совместного служения в разные храмы Москвы и поручал читать проповеди после службы.

После Октябрьского переворота 1917 г. Ермаковская богадельня была закрыта, а за ней закрыли и храм. Началось лихолетье. О. Илье предлагали место

преподавателя, но душа его стремилась к служению в храме, к проповедничеству.

«В 1919 г. случилось событие, которое перевернуло всю жизнь моего Батюшки, — вспоминает супруга отца Илья, матушка Евгения, — он получил место настоятеля в Николо-Толмачевском храме.

Это был храм, осиянный 28-летним служением в нем дьяконом его духовного наставника – преподобного старца Алексию Зосимовского, которого он бесконечно любил и уважал, и о. Илья загорелся желанием поступить в этот храм. Как всегда, он пришел за советом к старцу Алексию, и тот с любовью благословил его на служение в своем родном храме. Одновременно мы решили посоветоваться об этом с митр Кириллом, который стал тогда для нас родным и близким отцом. Митр. Кирилл отнесся к желанию Батюшки очень сочувственно. "Это Ваше место – Толмачи, — сказал он, — и, если будет трудно Вам с перевозкой вещей, бросьте все, возьмите смену белья, заберите Вашу матушку и детей, и идите в Толмачи пешком"».

В те годы, священники выбирались прихожанами. О. Илье была предоставлена пробная Литургия в самый день выборов 9/22-го июня. Он успешно выдержал конкурс и был избран настоятелем этого, столь дорогого его сердцу храма.

Храм в то время был в совершенно бедственном положении. Богатые прихожане, благотворители храма, или умерли, или уехали. В их домах поселилась беднота. Дьякон и псаломщик уволились, хора не было. Ни дров, ни муки, ни свечей, ни церковного вина, ни елдя.

Прихожане храма, хотя и были немногочисленны, сразу проявили симпатию к новому батюшке, и каждый старался уделить что-нибудь из своих запасов, чтобы поддержать его в самое трудное время.

Отец Илья, хорошо рисовавший и любивший живопись, по рекомендации знакомых художников устроился научным сотрудником в Третьяковскую галерею,

которая находилась поблизости от дома. А матушка Евгения поступила на работу во Всевобуч. На этой работе давали паек, и это помогло спасти семью от голода.

Вот как описывает сын отца Ильи – Серафим – свои первые впечатления от храма:

"Белоснежный храм Святителя Николая затерявшийся в тихих переулках, среди домов и деревьев, не особенно привлекал внимание прохожих. Пятиглавый куб главного храма в честь Сошествия Святого Духа был украшен простыми наличниками и изящными раковинами под карнизом, как у Архангельского собора в Кремле. Справа и слева прилепились Никольский и Покровский приделы, а над всем высилась красивая стройная колокольня. Какой простор открывался с ее высоты! Кремль – как на ладони. Золотая шапка храма Христа Спасителя, Донской, Симонов, Новоспасский монастыри, зелень Нескучного сада и Воробьевых гор. Облака чуть не задевают. На колокольне был большой, хорошо подобранный набор колоколов, начиная с самых маленьких и звонких и кончая главным – весом 300 пудов (около 4,5 тонн), обладавшим чудесным бархатным басом. Мерный гул рокошущей меди пронизывал насквозь...

Но душа храма – молитва, и о. Илья решил служить каждый день, надеясь с помощью Божией восстановить

старые толмачевские традиции. Службы шли очень благоговейно, торжественно, спокойно, строго. Батюшка прилагал много усилий, чтобы каждое слово, произнесенное в алтаре или на клиросе, дошло до всех молящихся. Матушка Евгения, имевшая музыкальное образование и хорошие слух и голос, стала постоянно читать и петь в храме. Мы с братом помогали в алтаре и забирались по праздникам на колокольню, учились звонить в колокола. В будни звонили снизу за длинную веревку в малый колокол.

Когда в Толмачах заканчивалась вечерняя служба, гасли паникадило, свечи и лампы, и храм заполнялся чуткой темнотой, – его освещала лишь лампочка у выхода и лампада у иконы Богородицы, – духовенство и все оставшиеся богомольцы, стоя или опустившись на колени, глядели на сердобольный лик иконы, озаренный теплым светом, и вполголоса пели: "Под твою милость прибегаем, Богородице Дево! Молений наших не призри в скорби, но от бед избави нас, Едина Чистая и Благословенная!" И в эти слова вмещалось все, что накопилось в сердце каждого... Молитву эту привезли в Москву в годы германской войны беженцы, и она сразу стала родной".

(продолжение следует)

Четверухина О.С.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Заметки к уразумению месяцеслова Православной Церкви

Начало статьи читайте в ТЛ №№20-23

После принятия православной веры Христовой нашими благочестивыми предками между киевскими книжными людьми и греческими учеными подвижниками константинопольского Студийского монастыря установились самые близкие и сердечные отношения. "Из того бо Студийскаго монастыря в Русь посылали много книг - устав, триодъ и иныя книги" (Путеш. Новгород. архиеп. Антония в Царьград в 12 в., стр. 103). Студийская обитель (на плане Царьграда вышепоименованного архиепископа Антония значится у берега Пропонтиды, вблизи угольного крепостного Семибашенного замка и Золотых ворот) дала Православной Вселенской Церкви многих ученых светил и преподобных подвижников благочестивой иноческой жизни. В наших славянских святцах они и удержали за собою название **Студитов**. 11/24 ноября совершается память преподобного Феодора Студита, скончавшегося в 826 г.; 4/17 февраля - преподобного Николая исповедника, Студийского игумена, умершего в 868 г.; 5/18 апреля творится память преподобного Платона, бывшего первоначально иноком Студийским, а затем игуменом обители "иже в Символех". Вообще с именем Студитов в святцах много преподобных отцов.

Восточный город Антиохия, имеющий престол Антиохийского патриарха, в настоящее время является очень малым и запустелым городом.

Но было время, когда этот город был Великой Антиохией. Здесь проповедовал слово истины святитель Иоанн Златоуст. В Византийской империи это был едва ли не второй город после Константинополя. Окрестности его до разорения сарацинами и турками украшались очень многими святыми обителями. Здесь была и та Дивная гора, на которой в 6 в. основана была Дивногорская обитель. По этой обители именуется **Дивногорским** столпником преподобный Симеон (память 24 мая/6 июня). Родители его по своему великому благочестию и любви к первому столпнику Симеону дали имя своему сыну Симеон, а он принял на себя тяжкий труд соименного святого (Четьи Минеи). После преподобного Симеона Дивногорского столпника,

на Дивной горе подвизались другие святые отцы, которым усвоено в святцах наименование Дивногорцев.

Почему в святцах некоторым преподобным отцам усвоено название **Ветхопещерников** или **Ветхих**?

В Святой Земле, именно в "великой Палестинской пустыне", между монастырем прп. Саввы Освященного и Мертвым морем с одной стороны и святым градом и Иорданом - с другой, был в 6 и 7 вв. почти непрерывный ряд славных подвижнических обителей.

Первая из них основана преподобным Иларионом Великим в тех естественных пещерах Иудейских гор, о которых упоминается в 1-й книге Царств. Здесь, только ближе к пути из святого града к Иордану, была и пустынная обитель Хозивы, где подвизался преподобный Иоанн Хозевит. Здесь процветала также Фаранская - в пустыне Фаран - лавра преподобного Харитона. Позже по соседству с ветхими обителями начали возникать обители новые. Первые, в отличие от последних, удержали за собою наименование Ветхих или Ветхопещерных. В такой Ветхой лавре преподобного Харитона подвизался святой Иоанн Ветхопещерник (память 19 апреля/2 мая). "Преподобный Иоанн, - читаем в его житии, - нарицаемый есть ветхопещерник, вместо ветхолавриты, понеже та ветхая прп. Харитона лавра из начала бе в пещере разбойнической. В сей пещере преподобный Харитон обрете злата много, и первее в той пещере устрои церковь, и братию собра, таже над пещерою созда обитель. Сия обитель ветхопещерною и прозвана бысть" (Четьи Минеи святителя Димитрия Ростовского, месяц апрель).

Некоторым преподобным отцам, самоотверженно подъявшим на себя иноческие подвиги в недрах земли - в пещерах, усвоено в месяцеслове наименование **Печерских**. Таковы неусыпные молитвенники города Киева, преподобные отцы наши Антоний и Феодосий Печерские, из которых последний в святцах (под 3/16 мая) именуется "начальником в Российской земле монашеского общего жития".

Некоторые из преподобных отцов по цвету одежды своей именуются **черноризцами**. Так 7/20 августа совершается память преподобного Ора черноризца, подвизавшегося в пустынях Фиваиды около 390 г. Мно-

гим печерским преподобным отцам усвоено в Печерском патерике также название черноризцев. Один из восточных святых, именно преподобный Серапион, носил только один синдон (льняная одежда) и назван Синдонитом. Память его 14/27 мая (Месяц, вост., 2 ч.). Прп. Феодор Трихина (20 апреля/ 3 мая) носил только власяницу. Некоторые из преподобных отцов, живя уединенно, а не в общежитии, получили преимущественное пред прочими название монахов (от греческого - живу особо, живу один). Так 22 апреля/5 мая совершается память преподобного Виталия монаха, 10/23 февраля - преподобного Марка монаха или мниха, 23 февраля/8 марта - преподобного отца нашего Александра монаха, чина неусыпающих первоначальника. Монастырь неусыпающих, где соблюдался монастырский "чин неусыпающих", находился в Царьграде, при самом устье Понта. Он был основан преподобным Александром в царствование Феодосия Младшего. Предварительно такой совершенно уединенный, а не общежительный монастырь преподобный Александр основал на реке Ефрате. А затем этот новый монастырский чин перешел и в Царьград, "дабы в церкви непрестанное и неусыпное во дни и в ночи было псалмопение". Все братство монастыря разделялось на четыре чреды, чтобы "всяк, чреды своей час ведая, обретался бы на месте пения". Таким образом достигалось то, что в монастырском храме день и ночь происходило богослужение, и сама обитель стала известна с именем неусыпающих. Наш отечественный путешественник 12 в., Новгородский архиепископ Антоний, говорит об этом замечательно по строгости устава монастыре, что в "покаяных отцев белцев не держат, но иноков старых и умеющих заучити Закону Господню" (Пут. архиеп. Антония в Царьград, изд. археограф, ком., стр. 84).

Кому в святцах усвоено название **странноприимцев и сиротопитателей**? - Тем преподобным, которые устроили обители для приюта странников и сирот. Преподобный Сампсон (память 27 июня/10 июля), иже благородство свое от царския ведяху крове, чудесным образом даровал исцеление царю Иустиниану, и последний в знак признательности построил Сампсону странноприимный дом. В этом доме преподобный во обычной своей странноприимства и врачевания службе многия лета пребыл, получив наименование странноприимца. В настоящее время странноприимные дома на востоке называются метолами.

Преподобные отцы и матери, подъявшие на себя неустанные подвиги в тяжелой борьбе с похотью плоти, похотью очес и гордостью житейской (1Ин.2,15-16), часто усвоили себе особые, чрезвычайно подвижнические труды, по которым и именуется в православном месяцеслове. Таков, например, подвиг - подвиг общего удивления и благоговения - **столпников**. Памятью святого Симеона Столпника в месяцеслове положено "начало индикта, сиречь нового лета". Преподобный отец наш Симеон был первым из столпников. Он подвизался на столпе в течение 47 лет, начав свой новый и уди-

вительный труд в царствование Феодосия Младшего и окончив в царствование Льва Великого. По примеру первого столпника подвизался, как было замечено выше, в святой обители Дивногорской новый столпник, младший, преподобный Симеон, "иже на Дивней горе". Время его жития определяется по землетрясению, бывшему в Антиохии. Во время этого землетрясения, в 526 г., Симеону Младшему было 5 лет, следовательно, он родился в 521 г. и, прожив 75 лет, мирно скончался в царствование Анастасия, в 596 г. (Полн. мес. вост., т. 2, стр. 146). По священному примеру Антиохийских столпников 5 и 6 веков, в нашем отечестве в 12 в. просиял столпническими подвигами преподобный Никита Столпник, Переславльский чудотворец. Память его вместе с Симеоном, младшим столпником, 24 мая/6 июня. Наш отечественный подвижник-столпник скончался мученической кончиною. Его навестили родные и, увидев на нем вериги, блистающие от трения о власяницу преподобного, подумали, что они золотые, и убили его ради темной корысти. Мощи нашего отечественного столпника были обретыны при всероссийском митрополите Фотии. Столпниками в месяцеслове именуется еще: ученик первого столпника - преподобный Даниил (память 11/24 декабря), преподобный Алипий (память 26 ноября/9 декабря), преподобный Феодор Едесский, из Сирии (память 9/22 июля), и у нас на Руси преподобный Савва Вишерский (память 1/14 октября).

Некоторым из преподобных отцов, ревностно внявшим словам нашего Господа: ты же, егда Молишися, вниди в клеть твою, и затвориши двери твои, помолися Отцу твоему, Иже в тайне (Мф.6,6), и затворившимся навсегда в своих тесных клетях-кельях для непрестанной молитвы, усвоено в наших отечественных месяцесловах наименование **затворников**. 2/15 декабря наша Русская Православная Церковь творит память преподобного Афанасия, Печерского затворника, который, вошедши в пещеру и заградив за собою двери, "пребывал там 12 лет, никуда не выходя и не видя солнца" (Печерский патерик).

Преподобные отцы, хранившие обет молчания, в святцах именуется **молчальниками** и **безмолвниками**. 3/16 декабря совершается память преподобного Иоанна молчальника, а 3/16 октября - Исихия безмолвника, которого дивное безмолвие образовало на Афоне скит безмолвников, или исихастов. В этом ските выработан устав умной молитвы или сокровенного делания (Дни богослуж., Дебольского, стр. 580).

Те же из преподобных отцов, которые имели священный сан, часто называются в святцах **освященными**. Вселенская Церковь особенно чтит преподобного отца нашего Савву Освященного (память 5/15 декабря). 16/29 мая совершается память преподобного Феодора Освященного.

(продолжение следует)

Печатается по книге: Уразумение к месяцеслову М., Благо. 1995

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ

Буква «Мыслите»

Метрические книги

Метрические книги (метрики) – книги записей актов рождения и крещения, бракосочетания и смерти. Заполнялись тем священником, который венчал, крестил и отпевал прихожан своего прихода.

Первое законодательное оформление практика ведения метрических книг в России получила в решениях Московского церковного собора 1666-1667 гг.

Первым светским узаконением был указ Петра I от 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ при-

ходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». В мае 1722 г. «прибавления к Духовному регламенту» установили обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи. Однако исправное ведение метрик привилось не скоро, как это видно из большого числа указов Синода, подтверждающих необходимость правильного ведения метрических книг и наблюдения за этим. Такие указы были изданы в 1779, 1802, 1812, 1824 гг. и т.д.

Указ Синода от 1724 г. впервые ввел графические формы метрических книг и уточнил особенности их ведения. А после Указа Синода от 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным.

Указ Синода от 1802 г. «О содержании в предписанном порядке метрических книг» запретил хранение книг в домах священников и их раздельное ведение: отныне в приходах регистрация осуществлялась в одной общей книге.

В 1831 г. по Указу Синода в формуляре метрических книг были уточнены названия отдельных граф, введена раздельная нумерация по полу в записях о рождении. Формуляр метрических книг, просуществовавший всю дальнейшую их историю, окончательно был утвержден в 1838 г.

Состояла каждая книга из трёх частей, содержащих сведения:

о рождении – дата рождения и крещения, имя и фамилия, место жительства и вероисповедание родителей и крёстных родителей, законность и незаконность рождения;

о браке – имя, фамилия, место жительства, национальность, вероисповедание жениха и невесты, в каком возрасте вступают в брак, дата венчания, фамилии и имена свидетелей;

о смерти – имя, фамилия, место жительства, возраст умершего, дата и причина смерти, место захоронения.

В 1838 г. Синодом было установлено, чтобы причт ежемесячно свидетельствовал и подписывал книги, обозначая, сколько в истекшем месяце умерло, родилось и сочеталось браком, и чтобы родители, восприемники и свидетели подписью своей скрепляли верность записи. Этим же указом 1838 г была установлена новая форма метрик. Новые указы Синода с обращением внимания на неисправность ведения метрических книг, встречаются в 1838, 1886, 1889, 1890, 1903 гг. В указе 1903 г. обращается внимание на большое количество поступающих "на разрешение Консистерии и Св. Синода дел об исправлении в метрических книгах неправильных записей и о внесении в эти книги пропущенных актов о рождениях, браках и смерти".

Незаполненные бланки, собранные в метрические тетради, выдавались приходским священникам из консисторий или духовных правлений. Правильность заполнения метрик контролировалась благочинными, проверяющими текущую документацию подведомственных церквей каждые полгода. Во избежание подлогов, ошибок, упущений ответственность за каждую запись возлагалась на весь церковный причт.

Метрические книги велись в двух экземплярах: один направлялся на хранение в архив консистории, второй – оставался в церкви.

Консистерский экземпляр, включавший метрические тетради рождения, брака, смерти за один год по всем приходам одного уезда или города, достигал 1000-1200 листов. Приходский экземпляр имел иную структуру. Он включал записи рождений, браков и смертей только одного прихода за несколько лет, в зависимости от численности прихода. До 1840-50-х гг. приходская метрическая книга включала все виды регистрации, а позже каждый вид регистрации велся в отдельной книге. Объем приходской метрической книги чаще всего был около 200-250 листов. Полную юридическую силу имели документы, выданные на основе консисторского экземпляра. Записи в метрические книги производились сразу после совершения акта, а записи о браке сверялись с обыскными книгами. Участники таинства (родители и восприемники при крещении, жених или поручители при венчании) могли ознакомить

ся с внесенной в метрику записью и подтвердить ее верность в соответствующей графе.

Регистрация в метрических книгах велась священниками со слов, поэтому в записях находило отражение большое количество бытовых (просторечных) наименований населенных мест.

Метрические книги представляют регистрацию церковных обрядов, а не самого факта рождения, брака или смерти. Не получают крещения мертворожденные, а также умершие вскоре после рождения, они могут не попасть в метрики о родившихся. С другой стороны в христианские метрики кроме родившихся заносят случаи крещения взрослых. В метрические книги об умерших у православных также могут не попадать младенцы, умершие до крещения, над которыми не совершен обряд погребения, а также самоубийцы. По военно-духовному ведомству прямо запрещалось вносить мертворожденных в метрики. В губерниях или епархиях, где население было очень разбросано и приходы чрезвычайно растянуты, как например в Сибири, нередко умершие вынужденно хоронились без участия духовенства и, соответственно, не попадали в метрические книги.

Велись метрические книги в церковных приходах до 1918 г. (в некоторых районах до 1921 г.), затем регистрация актов гражданского состояния была передана подотделам ЗАГС местных органов исполнительной власти.

После октября 1917 г. метрические книги первоначально были переданы в городские, уездные, волостные земские управы, а с созданием органов ЗАГС, – в их волостные, уездные и губернские отделы. Сейчас они большей частью находятся в местных областных и республиканских архивах, но кое-где и в органах ЗАГС.

Миланский эдикт

Миланский эдикт – знаменитый документ, даровавший свободу вероисповедания христианам и возвращавший им все конфискованные церкви и церковное имущество. Был составлен императорами Константином и Ликинием в 312-313 гг.

Подлинное постановление не сохранилось до нас. Текст сохранился лишь в указе Ликиния, данном Никомидийскому президи 13-го июня 313 г., и у церковного историка Евсевия: "Еще ранее полагая, что свободы в религии стеснять не должно, что, напротив, нужно предоставить права заботиться о Божественных предметах уму и воле каждого, по собственному его произволению, повелели мы и христианам соблюдать веру, согласно избранной ими религии. Но так как в том указе, которым предоставлялось им такое право, были на деле при этом еще поставлены многие различные условия, то, может быть, некоторые из них скоро потом встретили препятствие такому соблюдению..."

Итак, мы постановили, руководясь здравым и правильнейшим рассуждением, принять такое решение, чтобы вообще никого не лишать свободы следовать и держаться соблюдаемой у христиан веры, и чтобы каждому дана была свобода следовать той религии, какую сам считает наилучшею для себя, дабы верховное Божество, почитаемое нами по свободному убеждению, могло проявлять во всем обычную милость и благоволение к нам.

Посему надлежит твоей чести знать, что нам угодно было, чтобы по устранении всех совершенно ограниченных, которые можно было усматривать в данном тебе ранее указе касательно христиан – чтобы это было устранено, и ныне каждый из желающих содержать религию христиан мог делать это свободно и беспрепятственно, без всякого для себя стеснения и затруднения. Объявить это со всею обстоятельностью твоей попечи-

тельности мы признали нужным, дабы ты знал, что мы и христианам даровали права свободного и неограниченного содержания своей религии. Видя же, что им это позволено нами, твоя честь поймет, что и другим также предоставлена, ради спокойствия нашего времени, подобная же полная свобода в соблюдении своей религии, так что каждый имеет право свободно избрать и почитать то, что ему угодно; это нами постановлено с тою целью, чтобы не казалось, что нами нанесен какой либо ущерб какому бы то ни было культу или религии.

Кроме сего, относительно христиан мы постановляем, чтобы те места, в которых прежде они обычно имели собрания, о которых в предыдущем указе к твоей чести было сделано известное постановление, если они окажутся купленными в предыдущее время какими-либо лицами, или у казны, или у кого другого, — эти лица немедленно и без колебаний возвратили бы христианам безденежно и без требования какой либо платы; равно и получившие эти места в дар пусть возможно скорее отдадут (их) христианам. При этом и те, которые купили эти места, и те, которые получили в дар, если будут искать чего-либо от нашего благоволения, дабы и они по нашей милости не остались без удовлетворения. Все это должно быть передано, при твоём содействии, обществу христиан немедленно, без всякого отлагательства. И так как известно, что христиане имели во владении не только места, где они обычно собирались, но и другие, составлявшие собственность не отдельных лиц, но общества их, все это в силу закона, который мы выше определили, ты прикажешь отдать христианам, т.е. обществу и собраниям их, без какого либо колебания и прекословия, с соблюдением именно выше указанного правила, чтобы те, которые бесплатно возвратят их, надеялись получить вознаграждение от нашей доброты.

Во всем этом ты обязан оказать выше названному обществу христиан все возможное содействие, чтобы повеление наше выполнено было в самом скором времени, дабы и в этом выразилось попечение нашей милости об общественном спокойствии и тогда, в виду этого, как было выше замечено, Божественное к нам благоволение, в столь великой мере уже испытанное нами, пребудет всегда, содействуя нашим успехам и общему благополучию. А чтобы этот милостивый закон наш мог сделаться всем известным, написанное

здесь ты должен в своем публичном объявлении выставить всюду и довести до общего сведения, дабы этот закон нашей милости ни для кого не оставался в неизвестности".

В чем же смысл Миланского эдикта? Он очень удобно делится на две части: в первой идет речь о свободе религиозного исповедания, во второй об имущественных и общественных правах христиан. В первом отношении характерны слова: "каждый имеет право свободно избрать и почитать то, что ему угодно; это нами постановлено с тою целью, чтобы не казалось, что нами нанесен какой либо ущерб какому бы то ни было культу и религии". Отсюда ясно, что Миланский эдикт устанавливает так называемый паритет, равенство всех религий и свободное право каждого гражданина следовать беспрепятственно какой угодно религии. Мнение профессора Лебедева, что этим эдиктом "христианство объявлено стоящим во главе всех религий, провозглашено единственной религией ..." не соответствует тексту Миланского эдикта, ни обстоятельствам его происхождения. Справедливо подчеркивает профессор Бриллиантов, что эдикт исходит не только от Константина, но и от Ликийя; к подписанию его, вероятно, привлекали и Максимиана. Но как можно было думать, чтобы Ликийя, а тем более Максимиан могли подписать эдикт, провозглашающий господство христианской религии?

Миланский Эдикт стал поворотным событием в деле распространения христианства в римской империи, если до этого христиан гнали за одно имя Христа, их проповедь была запрещена под страхом смерти, храмы строились в тайне под землей, то с принятием Миланского эдикта христиане получили возможность молиться и проповедовать, не прячась и не нарушая закон.

Митра (греч. повязка, носимая на голове) — принадлежность богослужебного облачения архиереев, архимандритов, а также священников, которым право ношения митры дается в качестве награждения; головной убор формы, близкой к сферической. На митре по бокам помещаются четыре маленькие иконы — Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи и какого-либо святого или праздника; и одна икона наверху — Троицы или серафима; архиерейская митра вместо верхней иконы увенчивается маленьким крестом.

При написании статей использованы материалы сайта Древо.ру

ЦЕРКОВНЫЙ ЭТИКЕТ

«Простите, не знаю, как Вас зовут...»

или о том, как правильно обратиться к священнослужителю

Предыдущие статьи научили нас правильно обращаться к диакону, священнику, монаху. Темой настоящей статьи станет обращение к архиерею.

Епископ (греч. надзирающий, надсматривающий) — священнослужитель третьей, высшей степени священства, иначе архиерей. Первоначально слово "епископ" обозначало архиерейство как таковое, вне зависимости от церковно-административного положения (в таком смысле оно употребляется в посланиях св. ап. Павла). Впоследствии, когда архиереи стали различаться на епископов, архиепископов, митрополитов и патриархов, слово "епископ" стало означать первую категорию из вышеперечисленных, а первоначальный смысл передало слову "архиерей".

Обращаясь к архиерею, его величают "Владыко" ("Владыко, благословите"). "Владыко" — это звательный падеж церковнославянского языка, в именительном падеже — Владыка; например: "Владыка Варфоломей благословил вам..."

Восточная (идушая из Византии) торжественность и многоречивость в обращении к епископу на первых порах даже смущает сердце малоцерковного человека, который может видеть здесь (на самом-то деле не существующее) умаление его собственного человеческого достоинства.

В официальном обращении употребляются иные выражения.

Обращаясь к **епископу**: Ваше Преосвященство; Преосвященнейший Владыко. В третьем лице: "Его Преосвященство рукоположил во диакона..."

Обращаясь к **архиепископу или митрополиту**: Ваше Высокопреосвященство; Высокопреосвященнейший Владыко. В третьем лице: "По благословению Его Высокопреосвященства сообщаем вам..."

Обращаясь к **Патриарху**: Ваше Святейшество; Святейший Владыко. В третьем лице: "Его Святейшество посетил ... епархию".

У епископа берут благословение таким же образом, как у священника: ладони складывают крестообразно

одна на другую (правая наверху) и подходят к архиерею для благословения.

Телефонный разговор с епископом начинают словами: "Благословите, Владыко" или "Благословите, Ваше Преосвященство (Высокопреосвященство)".

Письмо можно начать словами: "Владыко, благословите" или "Ваше Преосвященство (Высокопреосвященство), благословите".

Официальная переписка

При официальном письменном обращении к епископу придерживаются следующей формы.

В правом верхнем углу листа пишут, соблюдая строчность:

Его Преосвященству
Преосвященнейшему (имя),
епископу (название епархии),

При обращении к архиепископу или митрополиту:

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему (имя),
архиепископу (митрополиту) (название епархии),

При обращении к Патриарху:

Его Святейшеству
Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси
Алексию

Заканчивают прошение или письмо обычно такими словами: "Испрашиваю молитв Вашего Преосвященства...".

Священники, находящиеся, по сути, на церковном послушании, пишут: "Смиранный послушник Вашего Преосвященства...".

Достаточно часто кроме даты в конце письма указывается память святого, которого Церковь чтит в этот день.

На приеме у епископа

Придя на прием к епископу в епархиальное управление необходимо подойти к секретарю или заведующему канцелярией, представиться и сообщить, по какой причине просят о приеме. Входя в кабинет епископа, творят молитву: "Молитвами святого Владыки нашего, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас", крестятся на иконы в красном углу, подходят к архиерею и просят его благословения. При этом не надо от чрезмерного благоговения или страха становиться на колени или падать ниц (если вы, конечно, не пришли с повинной в каком-то грехе).

В епархиальном управлении обычно много священников, но необязательно у каждого из них брать благословение. Кроме того, существует четкое правило: в присутствии архиерея не берут благословения у священников, но лишь приветствуют их легким наклоном головы.

Если епископ выходит из кабинета в приемную, под благословение к нему подходят по чину: вначале священники (по старшинству), затем миряне (мужчины, потом женщины).

Разговор епископа с кем-либо не прерывают просьбой о благословении, но дожидаются окончания беседы. Свое обращение к архиерею обдумывают заранее и излагают его кратко, без лишних жестов и мимики. В конце беседы вновь просят благословения у архиерея и, перекрестившись на иконы в красном углу, степенно удаляются.

При написании статьи использованы материалы книги иеромонаха Аристарха (Лоханова) Что надо знать о Православном церковном этикете?

СОБЫТИЯ

Страна воскресения

12 ноября 2008 г. в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя состоится концерт "СТРАНА ВОСКРЕСЕНИЯ". Это совместный проект Всемирного Русского Народного Собора и Фонда "Фрески Руси", созданный на основе произведений Георгия Свиридова "Песнопения и молитвы" и Юрия Холдина "Свет фресок Дионисия".

"Страна Воскресения" – проект, представляющий в теснейшем взаимодействии наследие двух современных мастеров, творивших в разных сферах искусства, но необычайно близких в своих художественных устремлениях. Вместе с тем это оригинальная попытка донести до сегодняшней аудитории опыт восприятия "храмового действия как синтеза искусств", выраженно в единстве слова, его музыкального звучания и пластического воплощения.

Проект назван словами Георгия Свиридова о России, написанными им на полях книги И.А. Ильина. Его "Песнопения и молитвы" – плод осмысления сложного, подчас трагического пути жизни русского народа на протяжении последнего столетия. Альбом "Сквозь пелену пяти веков" Юрий Холдин создавал с такой же болью и радостью одновременно. Это тоже размышления о судьбе нашей страны: альбом мыслится как "поэма о России", способной незримо возрождаться в зримом умирании" (И.А. Ильин). В редком созвучии двух произведений, итоговых в творчестве композитора Г.В. Свиридова (1980-1997 – годы написания "Песнопений и молитв") и художника светописы Ю.И. Холдина (1994-2002 – годы создания проекта "Свет фресок Дио-

нисия – миру"), – некий камертон духовных процессов, происходящих в нашем обществе с начала 90-х гг., констатирующий факт: духовное возрождение невозможно без восстановления связи с национальной традицией, без осознания нашего глубинного родства с великой христианской культурой.

В обоих произведениях сквозь призму общих, в силу единства веры, исторических переживаний раскрывается духовная мощь классического наследия. Традиция, которой следуют композитор и светописец, преломленная творческой индивидуальностью каждого из них, оживает, дышит, пульсирует, становясь бесспорным достоянием и высочайшим достижением отечественной культуры последнего времени.

Следование по стопам великих предшественников "в их недостижимую высоту" идет и у Свиридова, и у Холдина в едином сплаве с той вдохновенной самобытной новизной, в которой можно увидеть неостановимое движение православного русского духа.

"...Музыку я пишу из глубины души, – говорил Георгий Свиридов. – Смысл текста должен совпадать с тем, что я стремлюсь высказать как композитор". Такое понимание своих художественных задач необыкновенно перекликается с принципом осмысленного показа, который исповедовал в своём творчестве Юрий Холдин. Его дар приобщения зрителя к тайне дионисиевых образов называют сегодня "богословской светописью", явлением уникальным и неповторимым: подлинная красота и светоносная сила святых образов раскрывается современной аудитории благодаря искусству мастера художественной фотографии, которое он

считал не менее ответственным служением, чем для Дионисия было писание фресок.

Композиционное и ассоциативно-богословское развитие видеоряда "Страны Воскресения", исключаящее внешнюю кинематографическую динамику, продиктовано близостью внутреннего строя фрески и её фотографического исполнения. Элемент иллюстративности у Дионисия преодолён созерцательной приобщённостью к обратной, евангельской перспективе. Поэтому, только при условии созерцательного погружения в мир образов, лаконичных по композиционному решению и ёмких по внутренней наполненности, раскрывается сила их воздействия. Единим звучанием фресок с музыкально-поэтическим строем молитв и песнопений обусловлена тончайшая пластика дионисиевской линии, утончённость цветовых соотношений, особая высветленность всей палитры фресковой росписи. Светописное раскрытие образов усиливается мягкостью и энергичностью рисунка, чистотой и прозрачностью звучания "Песнопений и молитв".

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЧКА

Куликово поле (Рассказ следователя)

И. С. Шмелев

(Окончание)

XI

Случилось это в конце прошлого октября, или – по новому стилю – в первых числах ноября.

Оба помнили, что весь день лил холодный дождь, "с крупой", – как и на Куликовом Поле! – но к вечеру прояснело и заглодало. Тот день оба хорошо помнили: как раз праздновалась 8-ая годовщина "Октября", день был "насыщенный". Загодя объявлялось плакатами и громкоговорителем наступление великой даты: "Всем, всем, всем!!!" Со всюду било в глаза настоятельное предложение "показать высший уровень революционного сознания, достойный Великого Октября", всем решительно принять активное участие в массовой манифестации, с плакатами и знаменами, с оркестром и хором, по всему городу, и присутствовать массово на юбилейном собрании в "Доме Октября", где произнесут речи товарищи-ораторы из Москвы. Ради торжества и для подогрева была объявлена выдача – в самый день празднования – всем совработникам, особого, сверх нормы, "гостинца" пшенной крупы и подсолнечного масла. Горсовет оповещал, что выдача будет производиться из горкооперата, с 7 до 8: "Просят не опаздывать, празднование откроется массовой манифестацией, в 9-30".

Они получили юбилейную выдачу. Оля на манифестации не была, – "была в церкви", – но Среднев ходил с толпой по Посаду, – "часа два грязь месили под ледяным дождем". Уклониться никак нельзя, – бухгалтер! – заметили бы: "здесь всех знают". В 4 часа оба присутствовали на собрании и слушали ораторов из Москвы.

Вернулись домой, усталые, часов около семи. Закрыли ставни и подперли колом калитку, как обычно, хотя проникнуть во двор было нетрудно, с соседнего пустыря. "Как и выйти со двора, – поправил Среднев, – забор на пустырь полуразвален". Оля поставила варить пшеничную похлебку. Слышали оба, как в Лавре пробило – 7.

Среднев читал газету. Оля прилегла на диване, жевала корочку. Вдруг – кто-то постучал в ставню, палочкой, – "три раза, раздельно, точно свой". Они тревожно переглянулись, как бы спрашивая себя: "Кто это?" К ним заходили редко, больше по праздникам, и всегда днем; те стучат властно и в ворота. Оля приоткрыла форточку... – постучали как раз в то самое

"Когда я думаю о музыке, мне вспоминается, что она исполнялась в соборах и церквях... Мне хочется, чтобы к ней было такое же святое, такое же трепетное отношение, чтобы в ней искал, а главное, находил ответы наш слушатель на самые важные, самые сокровенные вопросы своей жизни, своей судьбы... Для меня Россия – страна просторов, страна песни, страна печали, страна минора, страна Христа", – писал Георгий Свиридов. Его труд, пропитанный духом русского Православия, содействует нашей тесной молитвенной связи с теми, чьи образы запечатлел Дионисий и подлинную светоносную силу которых донёс до нас художник светописи Юрий Холдин.

В преодолении трагизма жизни мира, "лежащего во тьме", в стремлении обрести таинственную гармонию, в сознании исключительно высокого предназначения человека – "света мира" – глубочайшее родство музыкальных и художественных, органичных в стремлении к слиянию, образов "Страны Воскресения".

окошко, где форточка! – и негромко спросила: "Кто там?". Среднев через "сердечко" в ставнях ничего не мог разобрать в черной, как уголь, ночи. На оклик Оли кто-то ответил "приятным голосом" – так говорил и Сухов:

– С Куликова Поля.

Обоим им показалось странным, что постучавшийся не спросил, здесь ли такие-то... – знает их! Сердце у Олечки захолонуло, "будто от радости". Она зашептала в комнату: "Папа... с Куликова Поля!.. – и тут же крикнула в форточку – Среднев отметил – "радостно-радужно": – Пожалуйста... сейчас отворю калитку!.." "И стремительно кинулась к воротам, не накрылась даже", – добавил Среднев.

Небо пылало звездами, такой блеск... – "не видала, кажется, никогда такого". Оля отняла кол, открыла, различила высокую фигуру в монашеской наметке, и – "очевидно, от блеска звезд", – вносил свое объяснение Среднев – лик пришельца показался ей "как бы в сиянии".

– Войдите-войдите, батюшка... – прошептала она, с поклоном, чувствуя, как ликует сердце, и увидала, что отец вышел на крыльцо с лампочкой – осветить.

Хрустело под ногами, от морозца.

Старец одет был бедно, в сермяжной ряске, и на руке лукошко. Помолился на образа Рождества Богородицы и Спаса Нерукотворенного – по преданию из опочивальни Ивана Грозного – и, "благословив все", сказал:

– Милость Господня вам, чада.

Они склонились. То, что и он склонился, Среднев объяснял тем, что... – "как-то невольно вышло... от торжественных слов, возможно". Он подвинул кресло, молча, как бы предлагая пришельцу сесть, но старец не сядил, а вынул из лукошка небольшой медный крест, "блеснувший", благословил им все и сказал, "внятно и наставительно":

– Радуйтесь Благовестию. Раб Божий Василий, лесной дозорщик, знакомец и доброхот, обрел сей Крест Господень на Куликовом Поле и волею Господа посылает во знамение Спасения.

– Он, – рассказывала Олечка, – сказал лучше, но я не могла запомнить.

– Проще и... глубже... – поправил Среднев, – и я невольно почувствовал какую-то особенную силу в его словах... затрудняюсь определить... проникновенную, духовную?..

Они стояли "как бы в оцепенении". Старец положил Крест на чистом листе бумаги – Среднев накануне собирался писать письмо и так оставил на письменном столе, – и, показалось, хотел уйти, но Оля стала его просить, сердце в ней все играло:

– Не уходите... побудьте с нами... поужинайте с нами... у нас пшенная похлебка... ночь на дворе... останьтесь, батюшка!..

– Вот именно, про пшенную похлебку... отлично помню!.. – подтвердил Среднев.

С Олей творилось странное. Она залилась слезами и, протирая руки, умоляла, "настойчиво даже", по замечанию Среднева:

– Нет, вы останетесь!.. Мы не можем вас отпустить так... у нас чистая комната, покойного профессора... он был очень верующий, писал о нашей Лавре... с вами нам так легко, светло... столько скорби... мы так несчастны!

– Она была прямо в иступлении, – заметил Среднев.

– Не в иступлении... а я была... так у меня горело сердце, играло в сердце!.. Я была... вот, именно, блаженна!..

Она даже упала на колени. Старец простер руку над ее склоненной головой, она сразу почувствовала успокоение и встала. Старец сказал, помедля, "как бы вслушиваясь в себя":

– Волею Господа, пребуду до утра zde.

Дальше... – "все было, как в тумане". Среднев ничего не помнил: говорил ли со старцем, сидел ли старец или стоял... – "было это, как миг... будто пропало время".

В этот "миг" Оля стелила постель в кабинете профессора, на клеенчатом диване: взяла все чистое, новое, что нашлось. Лампадок они не теплили, горного масла не было; но она вспомнила, что получили сегодня подсолнечное масло, и она налила лампадку. И когда затеплила ее – "вот эту самую, голубенькую, в молочных глазах... теперь негасимая она..." – озарило ее сияние и она увидела – Лик. Это был образ Преподобного Сергия. Ее потрясло священным ужасом. До сего дня помнила она сладостное горение сердца и трепетное, от слез, сияние.

В благоговейном и светлом ужасе, тихо вошла она в комнату и, трепетная, склонилась, не смея поднять глаза.

– Что было в моем сердце, этого нельзя высказать... – рассказывала в слезах Оля. – Я уже не признавала себя, какой была... будто я стала другой, вне обычного-земного... будто – уже не я, а... душа моя... нет, это нельзя словами...

– Она показалась мне радостно-просветленной, будто сияние от нее!.. – определял свое впечатление Среднев.

А с ним ничего особенного не произошло: "только на душе было как-то необычайно легко, уютно". Он предложил старцу поужинать с ними, напиток чаю, но старец "как-то особенно тонко уклонился, не приняв и не отказав":

– Завтра день недельный, повечеру не вкушают.

Среднев тогда не понял, что значит – "день недельный". Оля после ему сказала, что это значит – "день воскресный".

По его пояснениям, Оля тогда "была где-то, не признавала себя". Она не шевельнулась, когда Среднев

сказал ей поставить в комнату гостя стакан воды и свечу: ему хотелось, "чтобы гостю было удобно и уютно". Он отворил оклеенную обоями дверь в кабинет профессора – "вот эту самую" – и удивился, "как уютно стало при лампадке". Приглашая старца движением руки перейти в комнату, где приготовлена постель, Среднев – это он помнил – ничего не сказал, "будто так и надо", а лишь почтительно поклонился. Старец – видела Оля через слезы – остановился в дверях, и она услышала "слово благословения":

– Завтра отыду рано. Пребудьте с Господом.

И благословил пространно, "будто благословлял все". И затворился.

Оля неслышно плакала. Среднев недоумевал, что с нею. Она прильнула к нему и, в слезах, шептала: "Ах, папа... мне так хорошо, тепло...". И он ответил ей, шепотом, чтобы не нарушить эту "приятную тишину": "И мне хорошо".

– Было такое чувство... безмятежного покоя... – подтверждал Среднев, – что жалко было его утратить, и я говорил шепотом. Это удивительное чувство психологически понятно, оно называется "воздействием родственной души..." в психологии: волнение Оли общилось мне... то есть, ее душевное состояние.

Стараясь не шуметь, Оля на цыпочках подошла к столу, перекрестилась на светлый Крест и приложилась. Ей казалось, что Крест сияет. Среднев хотел посмотреть, но Оля, страшась, что он возьмет в руки, умоляюще зашептала: "Не тронь, не тронь..." Так Крест и остался до утра, на белом листе бумаги, нетронуту.

Среднев не спал в ту ночь: всякие думы думались, "о жизни". Чувствовал, что не спит и Оля. Она лежала и плакала неслышно. Эти слезы были для нее "радостными и светлыми". Ей "все вдруг осветилось, как в откровении". Ей открылось, что – все – живое, все – есть: "будто пропало время, не стало прошлого, а все – есть!" Для нее стало явным, что покойная мама – с нею, и Шура, мичман, утопленный в море, в Гельсингфорсе, единственный брат у ней, – жив, и – с нею; и все; что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из прошлого, далеко-го – "все родное наше", – есть, и – с нею; и Куликово Поле, откуда явился Крест, – здесь, и – в ней! Не отсвет его в истории, а самая его живая сущность, живая явь. Она страшилась, что сейчас забудет это чудесное чувство, что это "дано на миг"... боялась шевельнуться, испугать мыслями... – но "все становилось ярче... светилось, жило...".

Ночи она не видела. В ставнях рассвет...

Она хотела мне объяснить, как она чувствовала тогда, но не могла объяснить словами. И прочла на память из ап. Павла к Римлянам:

– ...и потому, живем ли, или умираем, всегда Господни.

– Понимаете, все живет! У Господа ничто не умирает, а все – есть! Нет утрат... всегда, все живет.

Я не понимал.

XII

И вот утро. Заскрежетал будильник – 6. Среднев вспомнил – "завтра отыду рано", и осторожно постучал в кабинет профессора... – ? Молчание. Оля сказала громко: "Войди – увидишь: он ушел". Но он не мог уйти! Оля сказала, уверенно:

– Как ты не понимаешь, папа... это же было явление Святого!..

Среднев не понимал. Он вошел в комнату – постель нетронута, лампадка догорала под нагаром. Оля взяла отца за руку и показала на образ Преподобного:

– Ты видишь?! И – не веришь?!.

Среднев ничего не видел, не мог поверить: для него это был – абсурд.

Меня этот странный случай затронул двойственно: как следователя – загадочностью, которую надо разъяснить расследованием, и как человека – явлением, близким к чуду, против чего восставало здоровое чувство привычной реальности. Оля, видимо, это понимала: она пылливо-тревожно вглядывалась в меня, спрашивая как будто: "И вы, как папа?.." Не вера моя в чудо была нужна ей, не укрепление этим ее веры: сама она крепко верила. Ей была нужна нравственная моя поддержка: рассеять сомнения отца. Мне стало жаль ее, и эта жалость заставила меня отнестись к странному случаю особенно чутко и осмотрительно.

И я приступил к расследованию.

Только один был выход из кабинета профессора – через их комнату. Они не спали и – не видели ухода. Так и подтверждали оба. Дверь из передней в сени Оля не запирала, это облегчало уход бесшумный; но парадная дверь была на щеколде, падавшей в пробой, – это; могло, на первый взгляд, поразить: ушел, а дверь оказалась на: щеколде! Среднев объяснял: они оба могли на миг забыться, и он тихо прошел в парадное; а то, что за ним дверь оказалась снова запертой, легко объяснить. Случай со щеколдой – не их изобретение, это делают все, когда надо уйти и замкнуть дверь, если дома кто-нибудь остается, а его не хотят будить.

– Мы всегда это делаем. Когда Оля уходит, а я еще сплю, она ставит щеколду стойком, и...

Он повел меня в сени и показал:

– Смотрите... поднятая щеколда держится довольно туго... ставлю ее чуть наклонно, выхожу, захлопываю сильно дверь... – и щеколда падает в пробой! – сказал он уже за дверью. – Какое же объяснение иначе?!

Я на это ничего не сказал, но подумал, что тут явная натяжка: "гость", выходит, уж слишком предупредителен: – не хочет беспокоить спящих, оберегает их от воров и... догадывается повторить как раз их уловку со щеколдой, которая тугоовато держится!..

Оля упорно повторяла:

– Это было явление!.. Он ушел, для него нет преград.

Из дальнейшего рассказа о том утре...

Среднев открыл парадное. В ночь навалило снегу, но никаких следов не было. И это было объяснимо: следы завалило снегом. Оля показала на крыльцо:

– Завалило снегом?.. Но раз отворялась дверь, она бы загребла снег, а снег лежит совершенно ровно, нетронут!..

Среднев и тут объяснял логично: значит, ушел до снега. Полной вероятности, конечно, не было, но, конечно, мог уйти и до снега... мог пройти мимо них неслышно... можно было и заставить упасть щеколду. Кол подпирает калитку, как было с вечера, но и тут... можно было пролезть в малинник – забор развален.

Доводы Среднева были скользки, но нельзя было возразить неопровержимо, что это невозможно: тут не страдала логика. Для Среднева – чудо было гораздо невозможней. Оля смотрела на отца с грустной, жалеющей улыбкой, почти болезненной, но могла защищать свое, единственно, только верой. Среднев веры ее не разбивал, признавал, что сообщенное мной о встрече на Куликовом Поле, "еще больше усиливает впечатление от старца: это, несомненно, достойнейший человек... может быть, болюющий страданиями народа, инок высокой жизни..." Пробовал объяснить и мотив "явления":

– Несомненно, это человек тончайшей душевной организации, большой психолог. Эта находка Васи!.. Только вообразите: крест, с Куликова Поля!.. Какой же

си-мвол!.. Этим крестом можно укрепить падающих духом, влить надежду, что... "ад отвернется"!.. Эффект, психологически, совершенно исключительный; Заметьте тождественность его слов Васе и нам: "Господь посылает благовестие"! Пять веков назад с благословения преподобного Сергия русский великий князь разгромил Мамай, потряс татарщину, тьму... и вот, голос от Куликова Поля: уповайте! – И чудо повторится, падет иго наипугающее. Крест победит его!.. И он принимает на себя миссию, идет к нам, в вотчину Преподобного, откуда вторично и воссияет свет!..

– Не вы-думал же он Куликово Поле!.. – воскликнула Олечка – Это же бы-ло... и Вася думал о нас, о Троице!.. Как все надумано у тебя!..

Среднее чуть смутился, но продолжал свою мысль:

– Согласен, неясности есть... но!.. – он развел ручками, ища решения. – Я искренно растроган, я преклоняюсь... за идею!.. готов руку поцеловать у этого светлого пришельца... И этот уход таинственный!.. Какое тончайшее воздействие!.. Обвеять тайной... это же почти граничит с чудом! Если такое... "явление"... бросить в массы!.. Но кто поверит нам, интеллигентам?.. Вы знаете, как народ к нам... Оля поведала лишь очень немногим, самым верным... нашего же поля, но этого недостаточно. Надо на площадях кричать, надо объявить Крест!.. И она хотела принять этот Крест, бесстрашно!.. Я умолил ее не делать этого: это повело бы лишь к великим бедствиям...

Эти последние слова, о "принятии Креста", Среднев мне высказал наедине: "следствие" мое продолжалось не один день.

На доводы отца об "идее пришельца" Оля воскликнула:

– Но это ты сам выдумал "идею" и приписываешь ее... кому?! И принимаешь это за доказательство! Где же твоя излюбленная "логика"?!.. Эта "идея" – обычный революционный прием!.. Как это мелко... в связи со всем!.. Ты путаешься в противоречиях, бедный папа!..

Нет, чуда Среднев принять не мог. Я... почти верил. Я помню смуту во мне... и необъяснимую мне самому уверенность, что я – близ чуда. Но я хотел – ощупать. Опыт следователя я чувствовал – по тону голоса, по глазам чистой девушки, по растерянности и шатким доводам Среднева, по всему материалу "дела", – что тут необъяснимое.

– И вы не верите... – с жалеющей улыбкой, болезненной, говорила Оля.

Я сказал, что искренно хочу верить, что "не могу не верить, смотря на вас", что никогда за всю мою службу следователем я не испытывал такого явного участия в жизни "благотворности", что все слова и действия "старца" так поражают неземной красотой и – простотой, таким благоговением, что я испытываю чувство священного – испытываю впервые в моей жизни. Говоря так, не утешить хотел я эту чистую девушку, а искренно слышал в себе голос: "Да, тут – чудо". Но не высказывал этого категорично: мне – это я тоже чувствовал – чего-то не хватало. Теперь я вспоминаю ясно, что моей почти-вере помогла эта девушка: своим порывом веры, светом в ее глазах, святой чистотой в них она заставляла верить. Помню, думал тогда, любясь ей: "Какая она несовременная: извечное что-то в ней, за-земное... такие были христианские мученицы-девы".

Наши обмены мнений продолжались дня три-четыре, нами овладевало, помню, и раздражение, и томление неразрешимости. Среднев заметно волновался. Я был во власти как бы навязчивой идеи, в таком нервном подъеме-возбуждении, что потерял сон. Сутра тянуло меня в голубой домик, казавшийся мне теперь таинственным. Не раз я молитвенно зывал о... чуде.

Да, я страстно хотел чуда, я ждал его. В моем подсознании уже само творилось оно, чудо! Тогда я не сознавал этого: творилось оно неосязаемо.

– Ну, хорошо... допустим: было явление, отсюда. Допустим, гипотетически... – будто сдавался Среднев. – Но!.. Не могу я понять, почему – у нас?! Я, конечно, не голый атеист, не нигилист... этот путь ныне уже пройден интеллигенцией, особенно после книги Джемса "Многообразии религиозного опыта", меня чуть ли не оглушившей. Я уважаю людей веры... я лишь скептик, я... ну, я не знаю, кто я!.. Но, почему я – я! – удостоен такого... "высокого внимания"?!.

– Но почему непременно вы упираете, что это вы, вы удостоены... "высокого внимания"?!.. – невольно вырвалось у меня, и я посмотрел на Олю. – Почему не допустить, что вы тут... только посредник?... для чего-то... более важного?..

Среднев заметил мой взгляд и совсем смутился.

– Вы правы... – сказал он упавшим голосом, – я неудачно выразился. Я не ободряюсь, что я... нет, говорю совершенно откровенно, смиренно: я недостоин, я... – он не мог найти слова и развел руками.

– Па-па, не укрывайся же за слова!.. – болью и нежностью вырвалось у Оли. – Ищет твоя душа, Бога ищет!.. Но ты боишься, что вдруг все твое и рухнет, чем ты жил!.. Ну, а все, чем ты жил... разве уже не рухнуло?!. Что у тебя осталось?... Все твои "идеалы" рухнули!.. Чем же жить-то теперь тебе?!. Не может рухнуть только вечное! А ты не бойся, ты не... – она не могла больше, заплакала.

Этот беспомощный ее плач переплеснул мне сердце. Оно уже не могло таить, не могло удержать того, что в нем копилось, – и это выплеснулось: что-то блеснуло мне, как вдохновенье, откровенье. По мне пробежало дрожью... и страх, и радость. Я уже знал. Знал, что таившееся во мне, неясное... сейчас вот станет ясным, раскроется. В мыслях... – или в душе?... – светилось и просилось определиться и стать реальностью, было в каком-то взвешивании, в некоей неустойчивости – "Да?... Нет?.." Светилось одно слово, как живое, – точнее не могу выразить. Это слово было – суббота. Взвешивалось оно, качалось во мне: "Да?... Нет?.." И я уже знал, что – "да". Как бы по вдохновению, слушаясь голоса инстинкта, не рассуждая... а также и по привычке к протоколу, я поставил вопрос о "сроке": "когда это произошло?" Стараясь подавить волнение, я тут же восстановил для них: встреча Васи Сухова со старцем на Куликовом Поле произошла около 3 ч. пополудни, в канун памяти великомученика Димитрия Солунского, в субботу, 25 октября, – в родительскую субботу, Дмитриевскую. Это бесспорно-точно: Сухов возвращался от дочери, со ст. Пгань, где его угостили пирогом с кашей, и он вез кусок пирога внукам, потому что в тех местах этот день доселе очень чтут и пекут поминовенные пироги... пеки и в это время всеобщего оскудения. Я восстановил для них с точностью, когда произошло явление – там. И знал, с наименьшей же точностью, когда произошло явление – здесь.

Оля, смертельно бледная, вскрикнула:

– Да?!. Вы точно помните?... В родительскую?!. Я... я в церкви поминала... Папа... слушай... па-па!.. – задыхаясь, едва выговорила она, держась за сердце, и показала к письменному столу, – там... в продуктовой... записано... и в дневнике у меня... и в твоей!..

И выбежала из комнаты.

Среднев глядел на меня растерянно, почти в испуге, и, вдруг, что-то поняв, судорожно рванул ящик стола... но это был стол профессора. Бросился к своему столу, выхватил сальную тетрадку, быстро перелистал, ткнул пальцем... Тут вбежала Оля с клеенчатой тетрадкой. Среднев – руки его тряслись – прочел прерывисто, за-

дыхаясь: "...200 граммов подсолнечного масла...300 граммов пшена...", штемпель – 7 ноября..."

– Но это... 7 ноября!.. – крикнул он в раздражении не то в досаде и растерянно посмотрел вокруг.

– Да!.. 25 октября, по-церковному!.. В родительскую субботу!.. В церкви была тогда, 7 ноября... поминала... ты ходил по Посаду!.. – выкрикивала, задыхаясь, Оля. – В ту же субботу, как там, на Куликовом Поле!.. В тот же вечер: больше четырехсот верст отсюда!.. В тот же вечер!.. Па-па!..

Она упала бы, если бы я не поддержал ее, почти потерявшую сознание. Среднев смотрел, бледный, оглушенный, губы его сводило, лицо перекосилось, будто он вот заплачет. Он едва выговорил:

–В тот же... вечер...

Он опустился на подставленный мною стул и закрыл руками лицо.

Оля стояла над ним, схватившись за грудь, и смотрела молча, понимая, что с ним сейчас совершается важнейшее в его жизни. Среднева сотрясало спазмами. Подобное "разряжение" я не раз видал в моей практике следователя, когда душа преступника не в силах уже держать давившее ее бремя и – разряжалась, ломая страх. Но тут было сложнее неизмеримо: тут рушилось все привычное, рвалась основа и замещалась – чем?... На это ответить невозможно: это вне наших измерений.

Оля смотрела напряженно и выжидательно, и это было такое нежное, почти материнское душевное движение-взгляд сердца. Я... не был потрясен: я был светло-спокоен, светло-доволен... – дивное чувство полностью. Видимо, был уже подготовлен, нес в "подсознательном" бесспорность чуда. Мелькавшие в мыслях две субботы – слились теперь в одну, так поразительно совпали, такие разные! Два празднования: там – и здесь, Неба – и земли. Света – и тьмы. И как наглядно показано. В ту минуту я не высказывался: я светло держал в сердце. Уверовал ли я?... Кто скажет о сокровеннейшем? Кто дерзнет сказать о себе, как и когда уверовал?! Это держит потайно сердце.

Я тогда испытал впервые, что такое, когда ликует сердце. Несказанное чувство переполнения, небывалой и вдохновенной радости, до сладостной боли в сердце, почти физической. Знаю определенно одно только: чувство освобождения. Все томившее вдруг пропало, во мне засияла радость, я чувствовал радостную силу и светлую-светлую свободу – именно, ликование, упование: ну, ничего не страшно, все ясно, все чудесно, все предусмотрено, все – ведется: и все – так надо. И со всем этим – страстная, радостная воля к жизни – полное обновление.

Было и еще чувство, но не столь высокого порядка: чувство профессионального торжества: раскрыл! Будто и неожиданно? Нет, я внутренне уже ждал "самого важного". И оно раскрылось: из Сергиева Посада я уехал совсем другим, с возникшей во мне основой, на которой я должен строить "самое важное". Это – бесспорный факт.

Чувство профессионального торжества. Но я знал, что это не я одержал победу, а Бог помог мне в моей победе: я одержал ее над собой, над пустотой в себе. Эту победу определить нельзя: это необъяснимо в человеке, как недоступны сознанию величайшие миги жизни – рождение и смерть. Тут было – возрождение. Это – невидимая победа-тайна.

А видимая победа была до того наглядна, что оспорить ее теперь было невозможно: никакими увертками "логики", никакими доводами рассудка нельзя было опорочить "юридического акта". Мое предварительное заявление о дне и часе явления на Куликовом Поле и

почти одновременно здесь, в Посаде, было подтверждено документально: записями в дневнике Оли и в грязной тетрадке Среднева о... подсолнечном масле и пшене! Какими же серенькими мелочами – вот, что разительное! Сколько же мне открылось в этом!.. Господи, Кракота какая во – всем Твоём!..

Со Средневым свершалось сложнейшее и, конечно, непостижимое для него пока. Он отнял от лица руки, окинул все стыдливо, смущенно, радостно, новым каким-то взглядом... смазал, совсем по-детски, слезы, наполнившие глаза его, и прошептал облегченным вздохом, как истомленный путник, желанный покой обретший:

– Го-споди!..

Оля, в слезах, смотрела на него моляще-нежно.

В Посаде я пробыл тогда недели две, не мог, не хотел уехать. Много нами тогда переговорилось и передумалось...

Особенно поражало нас в нами воссозданном: "суббота 7 ноября", сомкнувшаяся со "святой субботой", ею закрытая. Оля видела в этом "великое знамение обетования", и мы принимали это, как и она. Как же не откровение?! не благовестие?! То, давнее, благовестие – преподобного Сергия великому князю Московскому Димитрию Ивановичу – и через него всей Руси Православной – "ты одо-леешь!" – вернулось и – подтверждается. И теперь – ничего не страшно.

Мы переменялись явно, мы этого теперь хотели. Мы ясно сознавали, что это для нас начало только, но какое прекрасное начало! Мы понимали, что впереди –

огромное богатство, которого едва коснулись. Но это личное, маленькое наше: тогда, в беседах, нам открылось все наше, родное – общее – вневременное и временное, небесное и земное... – какие упования!.. Не для нас же, маловеров, явлено было чудо... И раньше, до сего, идеалисты, дети родной культуры, мы теперь обрели верную основу, таинственно нам дарованную веру. И поняли, оба поняли, что идеалы наши питались ее светом. Во имя чего? Ради чего? Для кого?

Какие были дивные вечера тогда, какие звездные были ночи!.. Какую связанность нашу чувствовали мы со всем!.. Это был воистину творческий подъем.

И стало так понятно, почему в темную годину, когда разверзлась бездна, пытливые испуганные души притекали в эту тихую вотчину, под эти розовые стены Лавры... чего искали.

В светлой грезе я покидал Посад. Лавра светила мне тихим светом, звала вернуться. И я вернулся. И до зимы приезжал не раз.

Приехал, как обещал, перед Рождеством. Все кругом было чисто, бело – и розовая над снегом Лавра, "свеча пасхальная". Шагая по сугробам, добрал я до глухой улочки, постучался в занесенный снегом милый голубой домик... – никто не вышел. Соседи таинственно пошептали мне, что господа спешно уехали куда-то...

Очевидно, так надо было.

Январь-февраль, 1939 г. – Февраль-март, 1947 г. Париж

ЛЕКЦИИ ПО ОСНОВАМ ПРАВОСЛАВИЯ

ри нашем храме для взрослых с октября по май читаются лекции по предмету «Основы Православия».

Курс включает в себя изучение базовых понятий таких богословских дисциплин, как *Библистика* (Св. История Ветхого и Нового Завета), *Литургия* (наука о богослужении), *История Вселенской Церкви*, *История Русской Православной Церкви*, *Догматическое богословие* и некоторых других.

Курс рассчитан на два года.

Читают лекции преподаватели и выпускники Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета.

Посещать бесплатные занятия могут все желающие.

Занятия 1 курса – суббота 14⁰⁰-16⁰⁰
(Преподаватель – Николаева Анна Владимировна)

Занятия 2 курса – воскресенье 12³⁰-14⁰⁰
(Преподаватель – Курприянов Федор Алексеевич)

БИБЛИОТЕКА ХРАМА

нашем храме работает библиотека православной литературы. Все прихожане храма могут бесплатно пользоваться фондами библиотеки. Книги выдаются на срок 2-3 недели.

Расписание работы библиотеки:

Суббота: с 15⁰⁰ до 16⁰⁰
Воскресение: с 11³⁰ до 14⁰⁰

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ

1 суббота (19 окт)	<u>Димитриевская родительская суббота. Пророка Иоиля. Мч. Уара</u>	
новый стиль старый	Литургия. Панихида	9 ⁰⁰
	Всенощная	16 ⁰⁰
2 воскресенье (20)	<u>Неделя 20-я по Пятидесятнице. Вмч. Артемия. Сщмч. Николая пресвитера. Глас 3-ий</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
3 понедельник (21)	<u>Прп. Иларiona Великаго. Мчч. Дасия, Гаия и Зотика</u>	
	Всенощная	16 ⁰⁰
4 вторник (22)	<u>Казанской иконы Божией Матери. Равноап. Аверкия, еп. Иерапольскаго</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
5 среда (23)	<u>Апостола Иакова, брата Господня по плоти. Прп. Иакова Боровичскаго</u>	
	Молебен	10 ⁰⁰
7 пятница (25)	<u>Мчч. Макиана и Мартирия. Прп. Матроны исповедницы. Прав. Тавифы</u>	
	Утренняя	16 ⁰⁰
8 суббота (26)	<u>Вмч. Димитрия Солунскаго. Прп. Феофила Печерскаго, архиеп. Новгородскаго</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
	Всенощная	16 ⁰⁰
9 воскресенье (27)	<u>Неделя 21-я по Пятидесятнице. Прп. Нестора летописца Печерскаго. Глас 4-ый</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
12 среда (30)	<u>Сщмч. Зиновия, еп. Егейскаго</u>	
	Молебен	10 ⁰⁰
14 пятница (1 ноя)	<u>Безсеребренников и чудотворцев Космы и Дамиана Асийских</u>	
	Утренняя	16 ⁰⁰
15 суббота (2)	<u>Мчч. Акиндина, Пигасия, Аффония, Елпидифора и иже с ними</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
	Всенощная	16 ⁰⁰
16 воскресенье (3)	<u>Неделя 22-я по Пятидесятнице. Мчч. Акесима епископа, Иосифа пресвитера. Глас 5й</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
19 среда (6)	<u>Свт. Павла Константинопольскаго, исповедника. Прп. Варлаама Хутынскаго</u>	
	Молебен	10 ⁰⁰
21 пятница (8)	<u>Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных сил Безплотных</u>	
	Утренняя	16 ⁰⁰
22 суббота (9)	<u>Мчч. Онисифора и Порфирия. Прп. Матроны. Свт. Нектария Пентапольскаго</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
	Всенощная	16 ⁰⁰
23 воскресенье (10)	<u>Неделя 23-я по Пятидесятнице. Апп. от 70-ти Ераста, Олимпа, Родиона Глас 6-ый</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
26 среда (13)	<u>Свт. Иоанна Златоустаго, архиеп. Константинопольскаго. Мц. Манефы</u>	
	Утренняя. Литургия	8 ⁰⁰
28 пятница (15)	<u>Прп. Паисия Величковскаго. Начало Рождественскаго поста</u>	
	Утренняя	16 ⁰⁰
29 суббота (16)	<u>Апостола и евангелиста Матфея. Сщмч. Феодора пресвитера и иже с ним</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰
	Всенощная	16 ⁰⁰
30 воскресенье (17)	<u>Неделя 24-я по Пятидесятнице. Свт. Григория, еп. Неокесарийскаго. Глас 7-ый</u>	
	Литургия	9 ⁰⁰

